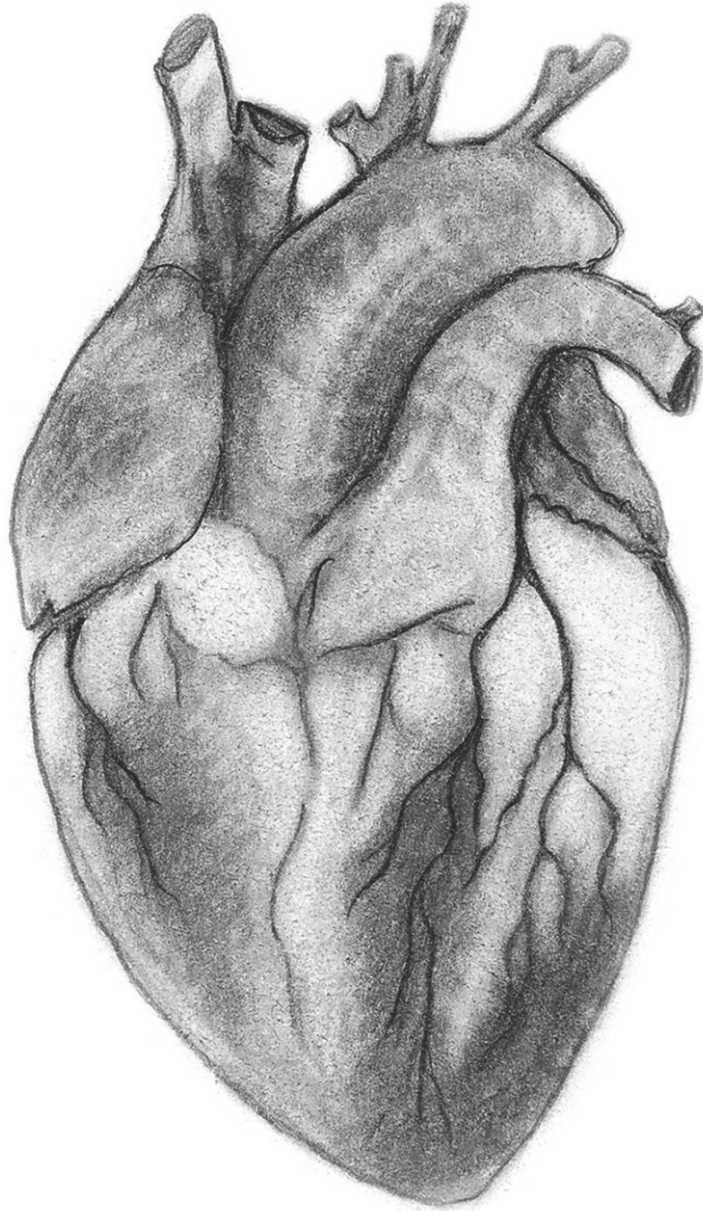

Эль Эвитас

Со скоростью мечты

Юлия Токарева

**Со скоростью мечты
(иллюстрированный сборник
короткой прозы и поэзии)**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Токарева Ю. В.

Со скоростью мечты (иллюстрированный сборник короткой прозы и поэзии) / Ю. В. Токарева — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Книга о смерти, книга о жизни, книга о тайнах и о том, как легко сквозь текст могут просматриваться самые странные и сокровенные мысли и их отражения. Каждый рассказ и каждое стихотворение в ней - маленькая история о выборе пути и его последствиях.

Эль Эвитас

Со скоростью мечты

Ночная симфония для гитары

*Я – волшебник в бабочке и фраке,
Лунным струнам придавая голоса,
Незаметно исчезаю в полумраке,
Рассытая щедро чудеса...*

Его можно увидеть на крыше каждый вечер, в любое время года и любую погоду, он появляется, когда первые струйки фиолетовых сумерек нежно вливаются в город. Имя его никому не известно, звать его некому, а за глаза он прослыл Музыкантом. Музыкант молод, у него длинные золотистые волосы, глаза цвета весенней травы, тонкие проворные пальцы и единственный костюм сумеречного цвета с цилиндром. Он всегда появляется в новом месте со своей необычной гитарой, будто бы созданной из лунной дорожки, снятой с зеркальной глади реки, и играет на ней, бережно перебирая струны левой рукой, в то время как пальцы правой искусно танцуют на грифе. Гитара, оживающая под чуткими прикосновениями, поет о неизвестном, забытом и чудесном, о снах, мечтах и надеждах.

Люди судачат, что Музыкант всегда исполняет одну и ту же мелодию, меняя лишь ее настроение, кто-то считает, что он знает песню души каждого человека, и потому она каждый раз новая и не повторяется никогда, запомнить ее невозможно, напеть не получается, но все

сходятся лишь в одном – это самая необычная музыка из того, что они когда-либо слышали. Говорят, она приносит с собой ощущения и оживляет воспоминания: некоторым явственно ощущается давно забытый вкус бабушкиных пирогов с клубникой, кому-то – страстное танго самого прекрасного вечера в своей жизни, другие же просто наслаждаются запахами, привычными и незнакомыми, но неизменно приятными. Люди вообще много чего говорят, особенно когда не знают правды, но никто не встречал Музыканта дважды, и потому подтвердить или опровергнуть множественные теории некому. Точно известно лишь то, что он всегда сидит, беззаботно устроившись на самом краю крыши в обнимку с гитарой лунного цвета, а по его левую руку стоит цилиндр – самая большая загадка странного юноши. Если проходящий по улице человек поднимет голову и посмотрит на Музыканта, он на мгновение оторвется от струн, опустит руку в цилиндр и кинет прохожему розу. Маленькую чайную розу, опускающуюся точно в руку. С теми, кто выбросил цветок, не происходит ничего особенного. Те же, кто сохранил его, рассказывают о бессмертии цветка, остающегося даже годы спустя таким же, как в первый миг. Говорят, те, кто поймал изумрудно-зеленую розу с острыми гранями лепестков, становятся удачливы в делах и богаты, счастливчики, поймавшие похожую на капельку круглую синюю розочку, не знают болезней, желтые цветы с волнистыми краями даруют успехи в творчестве, красные помогают найти любовь, истинную, крепкую, и не растерять ее в суровом течении будней, неказистая розочка цвета кофе с молоком приносит мир и благополучие в семью... еще Музыкант дарит белые, черные и фиолетовые цветы. Первые, по догадкам, приносят абсолютное счастье, вторые никто никогда не ловил, считая предвестниками скорой гибели. А третьи, по слухам, ловятся к чуду.

Осенний ветер задувал в рукава фрака, и пальцы мерзли, стоило хоть на секунду остановить их бесконечный бег, в воздухе висела мелкая морось, дыхание вырывалось изо рта белым паром, но сегодня Музыкант был особенно весел – ему нравились праздники. С крыши он с интересом смотрел на свечи, уютно сияющие в тыквенных головах, манящие теплом и смутно напоминающие о каком-то неведомом ему самому доме, он разглядывал через оконные стекла детей, наряженных привидениями и мумиями (два излюбленных костюма экономных матерей: старая простыня или пара рулонов бинтов), любовался улыбками и праздничными застольями. Гуляющих было много, и он раздал уже все сегодняшние цветы, кроме бархатистой черной и крохотной фиолетовой розочки.

«Хочу чего-нибудь горячего» – подумал он, наигрывая название пунша и ощущая во рту вкус пряного яблочного напитка, когда в переулке появилась девушка. Она остановилась перед крышей и решительно вскинула вверх лицо, обрамленное короткими черными кудрями. Виски пронзила огненная стрела боли, сквозь пелену перед глазами медленно всплывали мутные картины прошлого, ее ласковый смех, мягкие прикосновения к волосам... Музыкант вздрогнул, так сильно, что чуть не упал вниз, не уронил гитару, не скинул шляпу... но тут же взял себя в руки, весело улыбнулся и уронил вниз розу, черную, как уста его гитары. Он не видел судьбы цветка, его глаза застилали соленые капли, на губах сияла счастливая безмятежная улыбка, он обнял гитару покрепче, опустил руку в цилиндр и изо всех сил сжал в ладони оставшийся цветок.

Эрика неохотно ушла с работы: в тишине мастерской было пусто и спокойно, дома же одиночество было тягостным. Она даже не стала ничего украшать, но купила все атрибуты праздника – по привычке. Сумка с покупками так и стояла в углу кухни, наполненная свечами и гирляндами, конфетами и печеньем, пряниками, специями... Эрика только вырезала фонарь из тыквы и поставила на подоконник, в смутной надежде заманить заблудшую душу брата на огонек.

Раньше они вместе украшали дом к каждому празднику, но брат пропал еще в начале года, а полиция бессильно разводила руками – сбежал, мол. Нагуляется и вернется. Эрика знала: если бы мог, вернулся.

Город был прекрасен, как никогда. Узкие улочки пересекались разноцветными гирляндами в виде крохотных привидений, причудливо искажаемые висящей в воздухе дымкой, на каждом углу разглядывали прохожих совсем не страшные тыквы, из открытых окон доносились вкусные ароматы, смех... навстречу прошел юноша в костюме вампира, очень похожий на брата: такие же светлые кучерявые волосы, большие глаза, улыбка. Эрика встряхнула головой, отгоняя непрощенные воспоминания, некогда сладкие, но сейчас отдающие невыносимой горечью. Кто знает, может быть, ей уже не суждено видеть брата живым?

Где-то вдалеке играла музыка, невесомая, как крылья новорожденной бабочки, нежная, как бархат розовых лепестков, теплая, как домашний очаг, незнакомая, странная. Эрика сразу поняла, что эта песня не может быть исполнена никем, кроме Музыканта, и девушка, не раздумывая, бегом помчалась ему навстречу, забыв про неудобные каблуки, застревающие в брусчатке: она боялась, что музыка закончится, и невидимый еще Музыкант исчезнет. Ей очень нужна была помощь. Эрика мечтала получить из его рук фиолетовую розу, чтобы загадать возвращение брата.

Музыка привела ее в собственный двор, Эрика совершенно не удивилась, увидев Музыканта на крыше своего дома. Он улыбался, тепло, но немного грустно, замер на мгновение, чуть дернулся, будто от неожиданного укола, и уронил ослепительно черную розу. Разумеется, Эрика поймала ее. Мягкие лепестки, вопреки ожиданиям, растеклись по ладони расплавленной ночью и мгновенно исчезли, будто бы слившись с кожей. Перед глазами бешено пронеслись события, давно забытые и затерянные в мирах и пространствах, жизни чудесные и неведомые, знакомые и совершенно чужие лица, среди них мелькнул слегка изменившийся Музыкант. Эрика не понимала еще, что все это значит, но ощущала свое родство с ним, и потому быстро зашла в дом и поднялась на крышу. Он все еще был там.

Его всегда прямая спина согнулась, пальцы опустили гитару, цилиндр валялся на боку в луже. Что могло заставить его прекратить играть?

– Тебе больно? – решила спросить Эрика. Теперь, когда Музыкант был на расстоянии вытянутой руки, она помнила его насмешливый голос и неловкие жесты. Мысль о его боли пугала, ей хотелось защитить его, помочь, успокоить...

– Там внизу, кажется, глинтвейн варить собираются, – с неподдельным интересом сообщил он.

– Дурак ты, – со смехом ответила девушка, – пойдем, у нас дома тоже есть.

– И свечки есть? – Музыкант обернулся, сияя счастливой улыбкой.

– И свечки, и тыква.

Он поднялся с крыши, с удовольствием разминая затекшие ноги, и обнял ту, которую забыл и искал так долго. Она легко взъерошила светлые длинные волосы и в очередной раз подумала: «Хорошо, когда младший братишка загадочный музыкант. Плохо, что иногда он становится слишком загадочным и забывает, кто он, и тогда я тоже забываю его. Ведь если он сам себя не знает, как может знать его о нём кто-нибудь еще, хотя бы и я?».

– Слушай, а что все же дают черные розы? Раньше у тебя их не было, – поинтересовалась Эрика, разливая по чашкам горячий глинтвейн.

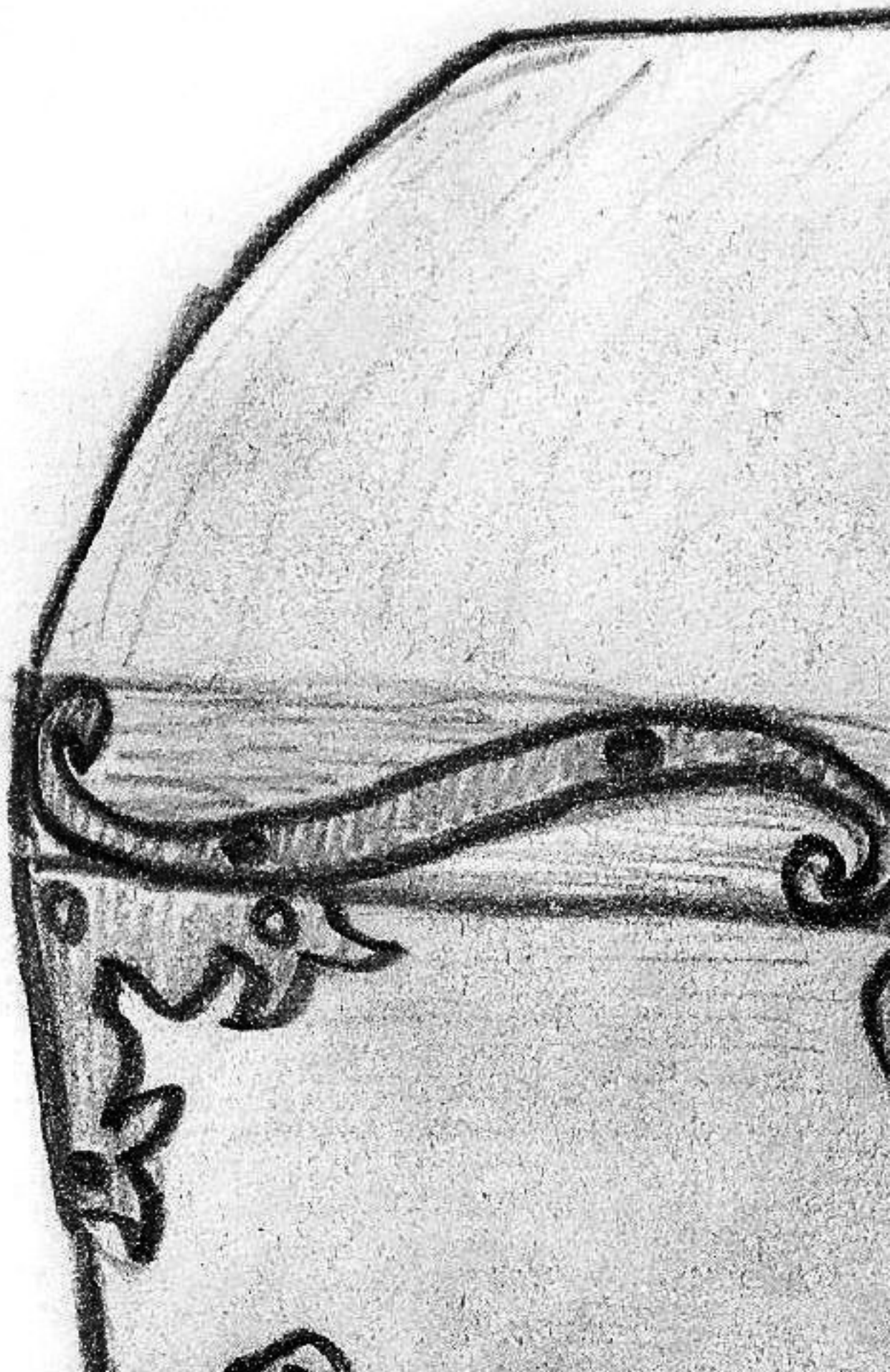
– Жают возможность фамому управшать швоей жифью – неразборчиво пробурчал он, уплетая за обе щеки традиционные сладости. – А вот почему никто их не берет, я не знаю. Словно люди хотят, чтобы за них все решил кто-то другой.

ОКТЯБРЬ

Этот октябрь особенный, этот октябрь – сказка,

Как и положено, с ведьмой, доброй, но

в страшной маске.
Этот октябрь – книга на желтых кленовых
листьях,
Переплет из ягод рябины, написана старой
кистью.
Этот октябрь – пунш, из яблок, бадьяна,
корицы,
Из сладко пугающих снов, растаявших
на ресницах.
Этот октябрь, как песня, сыгранная
на скрипке,
По струнам сиреневой ночи смычком из
твоей улыбки.
Этот октябрь – праздник, с конфетами и
кошельком,
Созданный для того, чтобы спасти
свой дом.
Этот октябрь – свечка, горящий фонарь
на ветру,
Путеводной звездой светит. Видишь?
Я тебя жду.

Только, пожалуйста, руку крепче держи,
Правду поведай, без недомолвок и лжи,
Разбей со мной вместе стены и витражи,
Заклучившие счастье в память и миражи.

В огненном времени вальсе не стой, кружи!
Зелья вари, если хочешь, гадай, ворожи.
О прошлом не плачь. О будущем не тужи.
Только, пожалуйста, руку крепче держи.

Я смотрел вниз. Туда, где равнодушное море ткало для моей жены пенный саван, продолжая упорно биться о скалы. В моих ушах все еще звенел ее крик, перед глазами стоял испуганный взгляд. Крик продолжался. Продолжался. Продолжался. Он становился все громче и громче, пока не оборвался на хриплой ноте. Только тогда я понял, что кричал вместе с ней. «Ты убил ее своей любовью» – шептало море. «Ты не сберег ее» – свистел в коридорах ветер. Это неправда. Нет. Она где-то здесь... это сон. Мне нужно проснуться. Я должен проснуться. Я все отдам, лишь бы тебя вернуть! Только не подходи к окнам... только не подходи к окнам...

Темнота никогда не казалась такой пугающей. Она, в самом деле, бывает разной – уютным мраком теплой спальни, загадочным сумраком кинозала, бесчувственной пустотой космоса, неприветливым холодом пасмурной ночи, сокровенным миром под закрытыми веками, но никогда, даже в самом раннем детстве, она не была такой страшной. И зачем я оставила туристическую брошюрку с планом здания в комнате! Первый день я только с ней и ходила, а потом осмелела, оставила ее в спальне, и вот, пожалуйста, свернула куда-то и заблудилась. А там, кстати, было написано про кровожадное привидение некоего Артура, который зверски убил свою молодую жену и выбросил ее тело в море, а теперь охотится за душами молодых девушек по ночам. Выходит из стены, смотрит пустыми глазами, ласково просит не подходить к окнам, а что бывает потом – никому неизвестно...

Жуткую тьму острым лезвием пронзил еще более адский звук: местные волки решили, что ситуации не хватает музыкального сопровождения, и завывали во всю силу своих дьявольских глоток. Ледяные потоки волчьего воя разливались по округе, наполняя замок и заставляя сердце болезненно сжаться в самом дальнем углу моих пяток. Хлынувшая в душу паника добавила мне сил, и я припустилась бежать, не разбирая дороги, цепляясь ногами за незаметные выступы, сшибая углы, набивая шишки, не останавливаясь до тех пор, пока не врезалась в стену. Слабый фонарик мобильного телефона лишь подтвердил догадку. Тупик... Бешеный барабан собственного пульса постепенно урежал темп, боль подвернутых ног и усталость прошедшей недели навалились единым грузом. Я спустилась по холодной стене и свернулась в клубочек, стараясь сохранить остатки тепла – разгоряченное бегом тело стремительно остывало в нетопленном зимнем здании. Так ему и надо, Дирку, запоздало подумала я с болезненным удовольствием, вот умру от страха в каком-то непонятном закуточке на непонятном этаже, где меня ни одна живая душа не найдет, и обломаются все его планы...

– Только не подходи к окнам, прошу тебя, – прошелестел мужской голос над моей головой. А вот и он, долгожданный призрак, подумала я, осторожно поднимая взгляд. Вопреки моим ожиданиям чего-то, смутно напоминающего старую простыню, напротив стоял высокий брюнет в бордовом камзоле, белоснежной рубашке, черных брюках странного объемного покроя и кожаных сапогах. Надо признать, выглядел он абсолютно живым и совершенно опустошенным. Тусклый свет экрана таинственно отражался в зрачках его ярких зеленых глаз.

– Ты кто? – подозрительно спросила я. Не удивлюсь, если кто-то из местных жителей балуется, подрабатывая в замке «привидением» – так и туристов привлечь можно. Правда, почему-то мне казалось, что ближайшая деревня в пятидесяти милях...

Мужчина молча покачал головой, отвернулся от меня, будто бы обознавшись, и медленно поплыл вдаль по коридору в нескольких дюймах над полом. Я протерла глаза. Мужчина продолжал плыть, не переставляя ног и удаляясь при этом с довольно приличной скоростью. И тут меня осенило: кем бы он ни был, да хоть самим дьяволом, он должен разбираться в кэрроловских лабиринтах этого безумного здания!

– Стой! – закричала я, опасаясь потерять единственного возможного проводника, – если ты Артур, выведи меня отсюда, пожалуйста, я заблудилась, – с этими воплями я уже неслась вслед призраку. Я всегда была жуткой трусихой, в детстве не могла уснуть без света, а сейчас вместо вознесения благодарственных молитв за спасение от призрака богам всех известных мне культов по старшинству и в алфавитном порядке, догоняла сверхъестественное существо без малейшей паники. Наверное, я совсем рехнулась. Или запасы страха в моем организме на текущие сутки подошли к концу.

К моему огромному удивлению, мужчина остановился и обернулся.

– Куда ты хочешь попасть? – устало спросил он. Теперь в его голосе не было того призыва, похожего на свист ветра в узком бутылочном горлышке.

– В свою комнату, – ничего более конкретного я сказать не могла. Про свою спальню я знала лишь то, что из окна открывался прекрасный вид на море, а находилась она где-то на пятом этаже. Или на шестом. Наверное.

На мгновение его взгляд потеплел, а уголки губ расплылись в почти невесомой полуулыбке, но это выражение облегчения мгновенно стерлось прежним усталым-болезненным видом. Что бы там ни говорили путеводители, меньше всего он был похож на убийцу (как будто я их так много повидала, ага). В его глазах, жестах, мимике было что-то смутно знакомое, от него веяло тоской и болью.

– Ты ведь Артур, верно? – осторожно уточнила я, следуя за неспешно продолжившим путь призраком.

– Да, – честно признался он, отводя от меня взгляд. Протянув руку, я украдкой коснулась бордового бархата кончиком указательного пальца. Ткань как ткань, разве что прохладная, как будто только что с морозной улицы...

– Ты умер? – вопрос сорвался с моих губ прежде, чем я осознала всю его бестактность.

– Наверное. Не помню, – Артур просочился сквозь одну из множества одинаковых дверей. Я с усилием открыла ее и оказалась в своей собственной спальне... точнее, в открытом нараспашку шкафу собственной спальни – я как раз укладывала вещи перед дурацкой вылазкой.

– Спасибо... Я могу чем-то отблагодарить тебя?

Артур словно не слышал вопроса. Он стоял посреди комнаты и пристально смотрел на мое свадебное платье, небрежно валяющееся на старинном стуле. Оно, вероятно, стоило Дирку больших денег. Качество исполнения, ткань, отделка – все было безупречным, но его фасон, открывающий спину, плечи и ноги почти во всю их длину, заставлял меня чувствовать себя голой. Собственно, я заблудилась, когда искала в замке какую-нибудь белую ткань, любую, хоть скатерть, хоть простыню, чтобы приспособить их к платью.

Несколько минут призрак стоял неподвижно и, сжав зубы, продолжал смотреть на мой свадебный наряд. В голове судорожно металась мысль: я плохо представляла поведенческие особенности привидений. Может быть, его разозлил беспорядок в комнате? Или ему до боли неприятен такой фасон?

– А..Артур? – я наконец-то решила разорвать повисшую тишину.

– Да? – глухо ответил призрак, лишь слегка повернувшись в мою сторону. Я четко осознала, что он может исчезнуть в любой момент – в конце концов, до спальни он меня все же довел. И тогда я останусь одна. С темнотой и волчьим воем. Ну уж нет, лучше призраки, эльфы, феи, домовые и кто там еще есть, всех давайте. Только бы не одной. Эх, была-не была: наверняка он может помочь в поисках материи, а попутно я попытаюсь его разговорить. Я вдохнула и робко поинтересовалась:

– Ты случайно не знаешь, нет ли в замке какой-нибудь ткани? Я хочу перешить платье до завтра...

– Знаю. Пошли, – глухо ответил он.

Мы снова пустились в путь по старинному лабиринту, Артур молча парил впереди, я так же молча брела сзади, подсвечивая себе путь и временами спотыкаясь о неровную каменную кладку или врезаюсь локтем в многочисленные канделябры. В каком же веке он жил? Сколько лет назад? Да он в любом случае старше меня минимум на три столетия. А я ему тыкаю и панибратски называю по имени. А ведь он дворянин... фон барон, или герцог какой-нибудь, или кто они там были... история никогда не была моим сильным местом (разумеется, за исключением увлекательных баек – их я запоминала с ходу и могла травить часами).

Несмотря на намерение разговорить его, отвлекать Артура по пути я не решилась, и вскоре он привел меня в совершенно пустую комнату. Сквозь высокие окна лился лунный свет, разбиваясь центральным витражным стеклом на множество ручейков, отличающихся легкими оттенками цвета. Артур задумчиво уставился на голую стену, выражение его лица постоянно менялось, как будто он сомневался в чем-то, спорил сам с собой, что-то решал. Может быть, вспоминал, как открыть какой-то тайник? Как там в сказках? Нажми на кирпичик, скажи сезам, попрыгай на одной ноге, и дверка откроется? Пауза затянулась. Артур думал, а время упорно брело сквозь ночь, приближаясь к двум часам. Да скорее уже свершится чудо, и долгожданная ткань упадет на меня с небес. От досады я пнула мыском кроссовка ближайший кирпичик.

Сундук действительно появился, подняв целую пыльную бурю вокруг себя. Минуты две я кашляла и чихала, а когда, наконец, смогла открыть глаза, обнаружила лицо Артура удивительно близко. Сантиметрах примерно в двадцати. Разум послушно вспомнил страничку про маньяка из путеводителя.

– Ой... – пискнула я, ожидая скорой расправы.

– Как тебя зовут? – его взгляд пронизывал меня копиями и просвечивал душу насквозь, а голос звенел разбитым стеклом.

– Эл...леонор, – с трудом выдавила я. Вот теперь я его боялась. Сильно. Он ходил кругами по комнате (ходил, а не парил, как раньше!), постепенно увеличивая темп и постоянно повторяя мое имя на все лады. Может быть, он сошел с ума? Или я... чокнутый призрак. От этой мысли нечеловечески захотелось засмеяться, но губы не слушались, и из горла вырвался только какой-то невнятный всхлип. Когда мне стало казаться, что я стою в этой комнате целую вечность, а его бег никогда не прекратится, Артур остановился, недоверчиво посмотрел на меня и сделал несколько очень медленных шагов в мою сторону.

– Элеонор, что, по-твоему, лежит в этом сундуке? – вкрадчиво поинтересовался Артур, замирая в напряженном ожидании моего ответа. Я молча смотрела на большой деревянный ящик, окованный по углам металлом. Ноги болели, копчик, который я отсидела на холодном каменном полу, тоже ныл. Интересно, это сон такой? Если да, то он мне не слишком нравился: я предпочла бы зеленую травку луга или бирюзовое морское полотно, красавца-мужчину, так и быть, оставляйте. Может быть, я надышалась испарений какой-нибудь серо-буро-малиновой плесени, щедро цветущей здесь с момента основания замка? Или я действительно общаюсь с явно сумасшедшим привидением? Какие, к чертям, угадайки? Я ему что, экстрасенс?

Судя по напряженному виду, Артур продолжал ждать мой ответ.

– Мое приданое, – брякнула я первую пришедшую в голову мысль, – мое свадебное платье и три простыни и посуда, купленные тобой же за пару недель до свадьбы, потому что своего у меня не было никог... – я испуганно осеклась, не совсем отдавая себе отчет в причине и, главное, смысле собственных слов.

Артур закрыл глаза и медленно сел на пол.

– Артур? Что здесь происходит? – я требовала объяснений. Когда я устаю или волнуюсь, то всегда начинаю капризничать, а сегодня я устала и наволновалась до смерти, если только можно думать о смерти в присутствии призрака...

К горлу подпирал истерический смех. Хозяин замка молчал.

– Артур! Ты действительно убил свою жену? – не знаю, почему мне так уперся именно этот факт его биографии.

– Да, – шепотом ответил он. – Я тебя убил.

Чудесно. Психически нестабильный призрак-убийца. Он убил... ЧТО??!! КОГО??!! Я молча откинула крышку сундука, выпустив на волю веселый рой беззаботных пылинок. На дне ящика действительно лежало платье, при ближайшем рассмотрении оказавшееся целым и лишь слегка припорошенным многовековой пылью. Отстирать его было бы гораздо проще, чем перешивать свое, а внешне размер казался приблизительно подходящим. О, небо! О чем я только думаю – посреди всего этого хаоса перебираю в голове сценарий стирки... ладно, в любом случае, одну проблему решили, осталась вторая, даже более важная и серьезная. Я обернулась на Артура. Он все еще сидел на полу, тщательно отслеживая каждое мое движение, даже самое мимолетное.

Закрыв лицо ладонями, я спокойно вдыхала и выдыхала сырой затхлый воздух, медленно досчитала до тринадцати, и, ущипнув себя за руку, вновь открыла глаза. Артур никуда не делся. Платье тоже.

– Знаешь, сейчас упасть в обморок было бы очень кстати, – тихо сказала я. – А потом открыть глаза в теплой постели, сменить обстановку, так сказать. Но, видимо, мне это не светит. – В одном я оказалась неправа: хоть мое сознание и осталось при мне, колени наотрез отказались меня держать, и я вновь оказалась на грязном ледяном полу. Виски раздирала боль. Казалось, в голову забивают раскаленные гвозди, самый короткий взгляд на Артура вызывал тошноту и алые вспышки перед глазами. Из глаз хлынули слезы. Из коротких ударов боль превратилась в нескончаемый поток огня, заливающий разум и, почему-то, живот. Холодный пол под щекой... распластаться... холодное... ..

– Прости... прости, – доносился далекий шепот. – Все будет хорошо, я не уйду, никуда не уйду, никогда больше, только если прогонишь, тише, тише....

Крик, сорванное горло, боль, жалкий хрип, его лицо, перекошенное, белое, новые шторы развеваются на ветру, как глупо! Страх, боль, холодная, острая, резкая, разрывающая, накрывающая, уносящая...

– Тише... тише... только не кричи, умоляю, не кричи!... только не снова... нет... нет...

Бирюзовые, как прекрасное море под окнами, шторы, обшитые золотой лентой, никак не хотят держаться на старом карнизе. Нужно будет поменять, обязательно скажу кому-нибудь из ребят. Девочек утруждать не хочется, у служанок всегда много работы – содержать в чистоте такой огромный дом!

– Лучше кричи. Нет... не надо такой тишины, нет... дыши, живи, посмотри на меня, ну же, посмотри...

Платье туго затянуто, сложно дышать, волосы заплетены до боли, но все ерунда, когда так бережно обнимают, придерживают за локоть, на руках вносят в новый для меня дом такие любимые руки... конечно же, мы обязательно будем счастливы!

– Ну пожалуйста... пожалуйста... хоть один вдох...

Ветер сносит волосы с лица, быстрый конь послушно несется вперед, смех вырывается из груди, как чудесно, как невозможно прекрасно!

– Подожди меня!

– Догоняй!

– Если догоню, навсегда останешься со мной!

Натянуть поводья, нарочно притормозить, не в силах противиться сладкой угрозе.

– Уговорил.

Вдох. Непривычный, дрожащий, хриплый. Мир постепенно останавливал бесконечную карусель и оформился в четкое изображение.

– Артур... – тихо и жалко прозвучал сорванный голос. Артур промолчал, лишь обнял меня покрепче, я осторожно прикоснулась к его влажной щеке. – Никогда не видела твоих слез.

– И не увидишь, если, конечно, снова не умрешь, – он быстро вытер лицо платком. – Прости.

– Простила, – с трудом выговорила я, уткнувшись в его плечо. Я бы сделала всё, чтобы отменить его боль. Мысли тяжелели, сильно клонило в сон. – Я подремлю немного? Ты не уйдешь?

– Нет... спи.

Свет расплавленным золотом упорно течет сквозь сомкнутые веки, и я просыпаюсь, не в силах больше сопротивляться, глубоко вдыхаю свежий весенний воздух, пропитанный солоноватым запахом шепчущего под окнами моря, и решительно открываю глаза. Элле с усердием тащит мимо меня тяжелый стул, с ее хрупких плеч свисает и тянется шлейфом легкая бирюзовая ткань. В голове быстро проносятся обрывки давешнего кошмара. Я протягиваю руку, преграждая ей путь и обнимая.

– Оставь, пусть этим займется кто-то другой, – прошу, скидывая злополучные шторы с ее плеча. Глаза бы мои их не видели... – в конце концов, кто тут хозяин, и зачем нам столько прислуги? – нарочито возмущаюсь, скрывая тревогу, а она лишь смеется в ответ и садится на край постели. Теперь все будет хорошо. Я уж постараюсь.

ОКНО

Бирюзовые полосы шторы нежно колышет ветер,

Боли, сильнее этой, ты не найдешь на свете,

Резко оборванный вопль, кровью из сердца – слеза,

Ты никогда не забудешь испуганные глаза.

Помнишь, как ты был счастлив, ведя ее к алтарю?

Как каждый день на балконе встречали вдвоем зарю?

Радость длилась недолго – всего лишь короткий год.

Если б ты знал, как быстро, как глупо она умрет!

Ты бы берег ее больше, к окну бы не подпустил?

Думаешь, это возможно? Тебе бы хватило сил?

Без усталости рыщешь по замку, зовешь, ожидая ответ,

Жизнь твоя превратилась в отравленный скорбью бред.

Память тебе изменяет, безумно твое лицо,

Сердце с усилием бьется, придавленное свинцом.

Ты опускаешься на пол и крутишь на руку шарф,

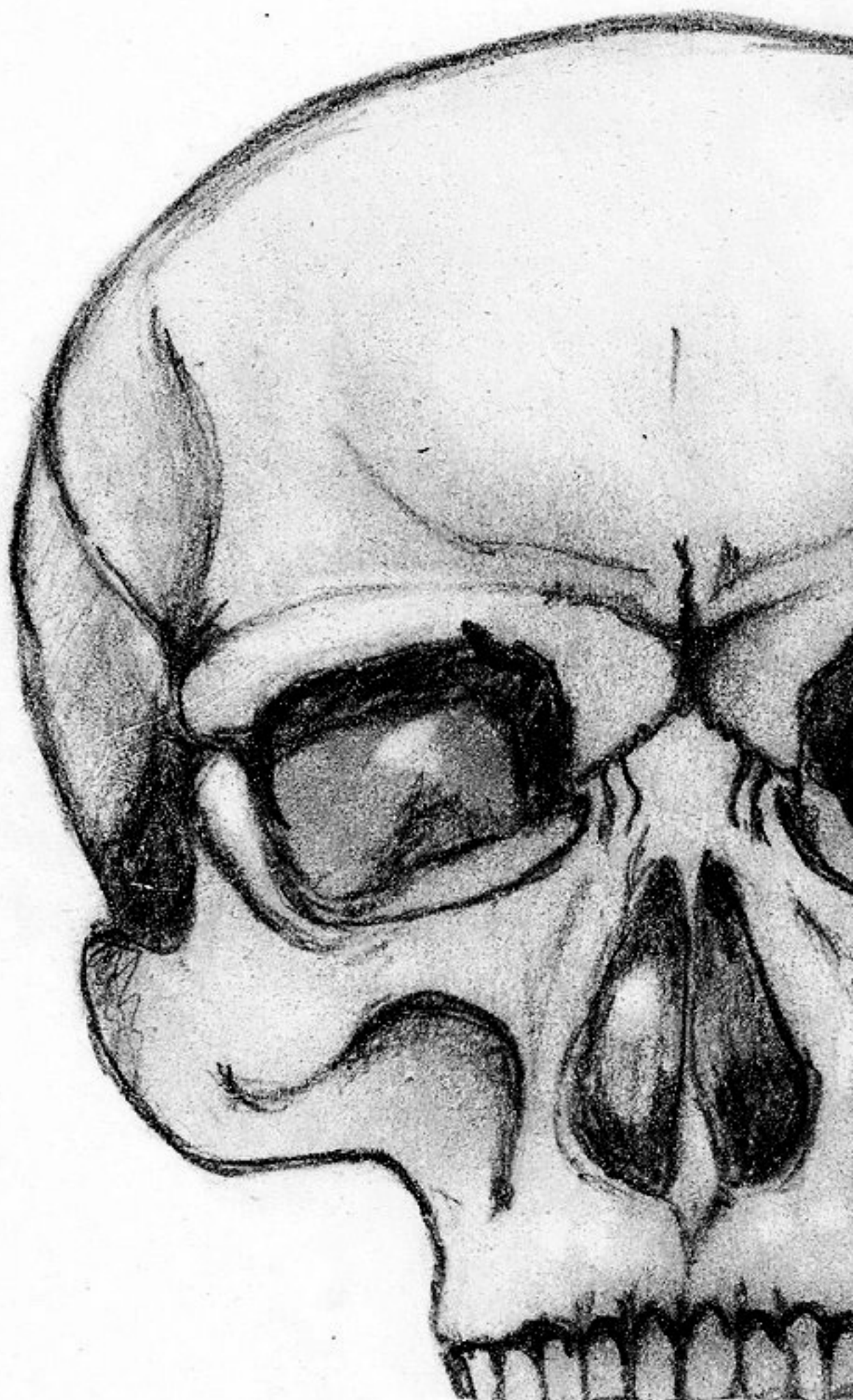
Порваны, рядом лежат струны любимых арф,

Петь они больше не будут – в замке обет тишины.

Музыкой смерть не отменишь. Слова тебе не нужны.

Тихо заснув однажды, тело твое умрет.

Дух же в смятении бродит и вечно ее зовет...

Над водой и в воде стремятся друг к другу мосты,
На холодной границе встретились я и ты,
Протяни мне ладонь, я разрушу безмолвные стены.
Но хочешь ли ты свободы из долгого плена?

– Почему ты всегда одеваешься во все черное? – спросил Рик, наверное, в тысячный раз, уже не надеясь услышать ответ. Ее тонкие вечно холодные пальцы шелком скользнули по его щеке, свежим весенним ветром пробежались по черным взъерошенным волосам и приятной тяжестью опустились на плечи.

– Я расскажу тебе вечером, – пообещала она, – сегодня я расскажу тебе все.

Он внимательно посмотрел на туманную россыпь ее пахнущих мятой волос, на огромные глаза, изумрудами сверкающие на бледном худом лице, на розовые лепестки чуть приоткрытых губ и молча кивнул, соглашаясь: он понял – она не лжет. Эвелин вообще ни разу не солгала ему за все три года их дружбы и лишь изредка отказывалась отвечать на вопросы. Они вместе учились, и Рик с ужасом наблюдал приближение зимы: с каждым оторванным листом календаря умирал еще один проведенный с ней день. Каждый вечер он провожал ее домой, но она сбегала на середине дороги – ее кто-то ждал. Кто-то, о ком Рик знал только одно: Эвелин любила его. Она никогда не говорила об этом, но Рик видел, как меняется выражение ее лица при одном упоминании о незнакомце. Рик завидовал ему: он дорого заплатил бы за возможность хоть раз увидеть столь нежный взгляд ее смотрящих на него глаз.

Эвелин оглянулась на скрытые осенним туманом часы одной из городских башен, легко коснулась его щеки и убежала, крикнув уже на ходу:

– Прости. Встретимся вечером.

– Я люблю тебя, – тихо прошептал он ей вслепую, а она как будто слегка обернулась. Или ему показалось?

– Ты не замерзнешь? – заботливо спросил светловолосый юноша в старинном костюме, беззаботно сидящий на перилах высокого моста. Далеко внизу грохотала река, веселым шенком резвясь на осколках старинных скал.

– Нет, не волнуйся, – Эвелин привычно привязала сумку к изящному завитку ограды и повесила сверху тонкую осеннюю куртку. Она отводила глаза, а ее пальцы слегка дрожали.

– Как прошел день? – осторожно спросил Норт, спрыгивая на доски и заключая девушку в свои объятия.

– Норт... я хочу тебе помочь, – девушка слегка отстранилась и взяла его за руки, крепко сжав пальцы. Она уверенно смотрела ему в глаза, и ее решимость начинала пугать его. На тонких паучьих лапках в душу Норта вползали сомнения и беспокойство – конечно, Эвелин могла решиться на такой шаг, но ей же никто не сказал о том, что это возможно?

– Ты и так мне помогаешь, – мягко ответил он, шагнув ей навстречу. Норт чувствовал, как дрожат ее ладони.

– Нет, – резко ответила Эвелин.

– Ты – единственный человек, который со мной заговорил за последние два столетия. Ты приходишь ко мне каждый день, ты заботишься обо мне, ты излечиваешь мою боль, – больше всего на свете Норт хотел, чтобы на нее подействовали те убаюкивающие интонации, которыми он прекрасно владел при жизни. В ее глазах заискрились капельки слез, она моргнула и после долгого глубокого вдоха произнесла удивительно спокойным голосом:

– Я тебя люблю.

Ее голос втек в его душу расплавленным железом и взорвался внутри сотнями огненных вспышек. Мысли путались. Он любил ее больше всего на свете, но она была жива, а он умер,

и умер очень давно, и если он будет с ней, то ее жизнь здесь будет безнадежно испорчена... ее будут считать сумасшедшей, у нее никогда не будет нормальной семьи. Никогда не будет детей. Из глубин разума выплыла самая страшная мысль: а что если она, подумав о том же, решила быть с ним? Норт покосился вниз. После падения с такой высоты на скалы не выжил еще никто.

– Прости, – тихо прошептала она, отпуская его руки, – я наивная идиотка, подумала, что ты тоже можешь... ай, дура! – горько вздохнула Эвелин, зачем-то развязывая шнурок.

– Стой. Стой-стой-стой, – нервно выпалил он, мгновенно опускаясь рядом и бережно обхватывая руками ее хрупкие, вздрагивающие от едва сдерживаемых рыданий плечи. – Я тоже тебя люблю, – впервые в жизни и посмертии признался он, – только не волнуйся. Ты замерзла, накинь, пожалуйста, куртку и поговори со мной, ладно? Пожалуйста.

– О чем? – глухо поинтересовалась она, продолжая неторопливо расшнуровывать второй ботинок.

– Ты сказала, что хочешь мне помочь, – мягко напомнил Норт.

– Да. Я хочу тебя похоронить.

– Нет!

– Тогда ты не будешь привязан к этому мосту. Ты сможешь быть там, где захочешь, – терпеливо, как маленькому ребенку объяснила она. Норт кивнул.

– Да. Только ты разобьешься насмерть, спускаясь с этого чертового моста, – прошептал он, закрывая глаза. – Ты хоть представляешь, как сложно будет найти там то, что от меня осталось?! – Норт указал на бурлящую внизу воду. «Разве может быть что-то хуже, чем видеть ее смерть?!» – подумал он, и сам же себе ответил. Может. Видеть ее смерть по своей вине.

Ее губы легко коснулись его щеки.

– Норт. Пожалуйста. Я не могу видеть, как ты страдаешь. Я знаю, что каждое мгновение ты чувствуешь отголоски той боли, что вырвала душу из твоего тела.

– Откуда? – горько спросил он, – Откуда ты все это знаешь? Я никогда не говорил тебе ничего такого.

Она ласково пригладила его длинные светлые волосы и грустно улыбнулась.

– Книги, Норт. Я очень много читаю.

– Ты разобьешься, – прошептал он.

– Тогда мы с тобой будем привязаны к этому мосту оба, – скрывая свой страх за усмешкой, ответила девушка.

– Нет. Я тебя не пушу, – он держал ее так крепко, как только мог. Она продолжала тепло улыбаться, разглядывая его бирюзовые глаза, так похожие на воды реки, в которой он так и не нашел своего покоя, дотрагивалась до его лица кончиками озябших пальцев, словно стараясь запомнить по осязанию его изящные черты. Каждое ее прикосновение облегчало вечную иглу боли, прошивающую его душу колючей шерстяной нитью. В тот миг, когда она коснулась губами его губ, он почувствовал себя живым. В следующее мгновение он увидел ее спускающейся по опорам моста.

Главное – не смотреть вниз, думала Эвелин, спускаясь по тонким решеткам, и благодарила архитектора за кружевные узоры, по которым было так удобно слезать. Несколько минут спустя до ее босых ног долетели первые холодные брызги, заставив девушку обернуться: до воды оставалось около двух метров, а украшения заканчивались отполированным временем и рекой столбом. Она глубоко вдохнула и решительно сделала единственный шаг вперед.

Ледяная вода накрыла ее с головой, заставляя все внутри сжаться в тугой комочек, потянула было куда-то вниз, но передумала и упруго вытолкнула обратно. Эвелин жадно вдыхала холодный воздух. Она знала место его смерти с точностью до нескольких метров, но определить его на воде было гораздо сложнее, чем глядя на реку сверху. Эвелин осмотрелась и сориентировалась по трем торчащим из воды обломкам скал.

Нырять пришлось девять раз. Руки и ноги давно перестали чувствовать холод и отзывались на каждое движение тяжелой ноющей болью, казалось, замерз даже разум, сузившись до одной-единственной мысли: «Найти и вытащить тело». Вытащить оказалось намного сложнее, чем найти: Норт лежал глубоко, между крупными валунами, и в самый последний миг, когда Эвелин уже плыла наверх вместе с ним, ее левая нога застряла в камнях. Страх закипел в крови. В груди медленно разрывались легкие, настойчиво требуя очередного вдоха. В глазах темнело. Эвелин собрала остатки сил и рванулась к тусклому осеннему солнцу. Казалось, прошло несколько лет, прежде чем скала отпустила ее, болезненно укусив напоследок...

Она почти не помнила, как добралась до берега.

– Пожалуйста, отвлекись. Пожалуйста, посмотри на меня, – доносилось откуда-то издали.

– Не меш-шай, – клацая зубами от холода, отвечала она, закапывая вырытую заранее могилу. Норт смотрел на алую ленту крови, обвивающую ее порезанные острыми скалами ноги, на мертвенно-бледную кожу и синие губы и ненавидел себя за то, что ей приходится делать. Он не мог даже помочь Эвелин – его бесплотные руки проходили сквозь любые предметы. Лишь для нее он был настоящим.

Норт представил себя свободным от вечной боли, способным передвигаться по миру без всяких ограничений, находящимся рядом с ней день за днем. Представил, как она взрослеет, и пришел к единственно верному выходу...

– В-вот и в-в-все, – с трудом выговорила Эвелин, устало опускаясь на землю. В изголовье его могилы нежно горела свечка.

– Спасибо, – прошептал он. Если бы он был жив – то плакал от невыносимой горечи слов, встающих в горле болезненным комом.

– Теперь, если ты захочешь, мы сможем быть вместе, – уголки ее губ поднялись в невесомой улыбке. Норт молча смотрел на ее руки, замотанные белой марлей до самых кончиков пальцев. Она хорошо подготовилась: в ее сумке лежали бинты и дезинфицирующие растворы.

– Как ты относишься к Рикку? – тихо спросил он, не отрывая взгляда от ее рук. Эвелин надолго задумалась.

– Он мой очень хороший друг, – неуверенно ответила она.

– Не бойся меня обидеть. Скажи правду, – он мягко отбросил мокрую прядь волос с ее лица.

– Иногда мне кажется, что я почти люблю его, – Эвелин отвела глаза на мгновение. – Но мне не нужен никто, кроме тебя, – в ее голос коварно пролезло с трудом сдерживаемое девушкой отчаяние.

Норт кивнул и тихо произнес слова, казавшиеся ему самыми желанными на протяжении всех этих долгих лет. Сейчас они опускались на сердце тяжестью молотка, разбивающего его душу.

– Я очень тебя люблю. Я хочу, чтобы ты была счастлива, а со мной это невозможно. Ты должна идти вперед, а не смотреть в прошлое вместе со мной. Я безмерно благодарен тебе за все, что ты сделала для меня... но я пойду дальше.

Эвелин вздрогнула.

– Туда? – тихим сдавленным болью голосом уточнила она, поднимая глаза к небу. Норт кивнул, дотрагиваясь до ее щеки в последний раз.

– Прости. Он любит тебя.

Она до последнего смотрела, как он растворялся в серых осенних сумерках, не сводила взгляда с его ярко-голубых глаз, а с ее губ опавшими листьями слетало одно лишь слово «прости».

Рик нашел ее на обычном месте, у моста. Сквозь свежие бинты на ее руках проступали алые бусинки крови.

– Садись, – тихо пригласила она, кивая на место рядом с собой. – Молчи, – устало попросила Эвелин, обрывая так и не начавшийся поток его беспокойных вопросов. – Я расскажу тебе все. Если хочешь. Но мой рассказ тебе не понравится, – она внимательно посмотрела на него покрасневшими от слез глазами.

– Расскажи...

– Ты знаешь, моя мать исчезла, когда мне было три года, – Эвелин смотрела на реку невидящим взором, а ее голос звучал непривычно пусто. – Отец безуспешно искал ее, а потом женился во второй раз. Моя мать умерла, когда мне было десять. Да, не удивляйся, что я знаю об этом – она была первой неживой, кого я увидела. Она зашла попрощаться и в тот же вечер ушла дальше. С того дня я уже не могла их не видеть, – с горьким вздохом Эвелин закрыла глаза ладонью. – Одни просят помочь им, решив какую-то беспокоящую их проблему, другие мечтают о похоронах, третьи сошли с ума от боли и пугают людей, питаюсь их ужасом. Когда на следующий день я вышла на улицу, мир показался мне кошмарным сном. Я испугалась и побежала, не глядя, надеясь сбежать от собственного страха, и остановилась здесь. Так я и познакомилась с Нортом. Двести лет назад его сбросил с моста родной дядя, чтобы завладеть фамильным именем. Он испугался и до последнего не понимал, что умирает. Поэтому он застрял здесь, посередине моста, точно над местом своей гибели. Обычно умершие успокаиваются, увидев свою могилу, но его гробом стали скалы, и увидеть себя он не мог. Я приходила к нему каждый вечер, мы разговаривали обо всем на свете – о том, каким был мир в его время, о том, как проходят мои дни. Он очень любит книги, и я часто читала ему вслух, а потом он учил меня рисовать. Мой дар развивался – на второй год я могла дотронуться до Норта, на третий – он смог коснуться меня. Его призрачность стала не важной. Я много думала о том, какого это: быть прикованным к одному и тому же месту десятки лет. Больше всего на свете я хотела освободить его от этой муки. Недавно я догадалась, как это сделать. Несколько дней я готовилась: копала могилу, собирала бинты и растворы, на случай, если поранюсь в воде. Я знала, что он пойдет дальше, но позволяла себе надеяться, что он сможет ненадолго остаться ради меня. Но теперь он свободен, и он это заслужил, – тихо договорила она. Каждое произнесенное слово снимало камень с ее души, и теперь боль потери казалась терпимой. По крайней мере, ей не хотелось больше кричать и с разбега кинуться в пропасть второй раз за сегодняшний день. Рик молчал. Видеть ее боль было тяжело, слышать о том, что она любила другого – больно, понимать, что она ему доверяет – нестерпимо сладко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.